
Л. В. СОКОЛОВА

Политическое и дидактическое осмысление событий 1185 г. в летописях и в «Слове о полку Игореве»

Дмитрий Сергеевич Лихачев придавал большое значение методам исследования «Слова о полку Игореве», считал нужным специально анализировать их.¹ Поэтому именно на Лихачевских чтениях я хочу коснуться вопроса о методах комплексного изучения трех произведений о походе на половцев 1185 г., образующих тематический цикл. Мне представляется важным обратить внимание на то, что при построении своей гипотезы ученые не всегда должным образом учитывают различие произведений, входящих в тематический цикл, считая возможным рассматривать их как некий единый текст.

В качестве примера сошлюсь на работу Риккардо Пиккио «„Слово о полку Игореве“ как памятник религиозной литературы Древней Руси».² Автор ставит своей целью интерпретацию «Слова» не как светского памятника (что было бы, по его словам, аномалией на фоне того религиозного целого, каким является древнерусская литература), но как текста, в котором присутствует религиозный лейтмотив. По мнению Р. Пиккио, все события изложены в «Слове» в виде «назидательной истории», «в соответствии с жанровыми схемами *exemplum*'а, общими для всех средневековых христианских литератур», и нарративная схема «Слова» следует концептуальной схеме именно христианского дидактического сообщения.

Предложенная интерпретация «Слова о полку Игореве» кардинально пересматривает традиционное представление о памятнике. Именно поэтому она должна быть подвергнута самой придирчивой проверке. Тем более что на высказанную гипотезу работает само имя всемирно известного, глубоко почитаемого и мной ученого. Не случайно у профессора Пиккио уже появились последователи.³ Наконец, сам Р. Пиккио в заключение своей статьи высказывает на-

---

¹ См., например: Лихачев Д. С. 1) Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 5—78; 2) Когда было написано «Слово о полку Игореве»? // ВЛ. 1964. № 8. С. 132—160; 3) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978. С. 278—295, 296—309, 310—328, 329—340; 4) «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 332—336; 5) Против дилетантизма в изучении «Слова о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Л., 1986. С. 183—196.

² Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 50. С. 430—443.

³ Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве»: Исследование. М., 1999. С. 158—209 (глава 3: О христианских основах художественного мышления автора «Слова о полку Игореве»); Ужанков А. Н. «Слово о полку Игореве» (К интерпретации авторской идеи произведения) // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института: Материалы. М., 2000. С. 435—449; Кожневников В. А. Игореву князю Богъ путь кажетъ (К проблеме главной идеи «Слова о полку Игореве») // Там же. С. 452—463; Горский А. А. «Все-

жду, что значимость рассмотренных им проблем «не останется незамеченной международным сообществом исследователей древнерусской литературы», т. е. приглашает к диалогу.

Каким же образом строит Р. Пиккио свою гипотезу?

Исходный методический прием состоит в том, что исследователь делит текст «Слова о полку Игореве» на две части: нарративную и ораторскую. К нарративной части он относит повествование о походе Игоря, а к ораторской — все остальное: авторские отступления первой части «Слова» и всю вторую часть, начиная со сна Святослава и кончая повествованием о Всеславе Полоцком («большое отступление»). Исследователь рассматривает это разделение как технический прием, однако, основываясь на нем, он делает далеко идущий вывод о соотношении нарративной и ораторской частей «Слова»: нарративная часть («повесть») объявляется основной, а ораторская часть, в которую входит и «злато слово» Святослава, — примечанием к религиозно-назидательной повести.⁴ При этом Р. Пиккио полагает, что, исходя из его концепции о присутствии в «Слове» религиозного лейтмотива, «не трудно будет поместить немногие риторические „языческие“ <...> элементы <...> в ораторский контекст примечания к повести, не меняя при этом наше прочтение самой повести в религиозном ключе в соответствии с жанровыми схемами *exemplum*'а».⁵

Свой второй методический прием Р. Пиккио называет «интертекстуальное исследование». Этот прием заключается в том, что автор сопоставляет, а по сути объединяет, выделенную им в «Слове о полку Игореве» нарративную часть (*повесть* о походе Игоря) и две летописные повести о походе Игоря, дошедшие в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей. По его мнению, «дидактически-религиозное значение истории Игоря делается яснее, если мы *перечтем вместе все три текста* и попытаемся *объединить сведения одного текста со сведениями двух других*».⁶ Объединение сведений трех текстов (трех «нарративных вариантов» цикла) позволяет, по словам Р. Пиккио, «увидеть в них, наряду с единой схемой изложения, общий экзегетический мотив. „Высший смысл“ действия (рассказанного как *παράδειγμα*, или «поучительный пример») разъяснен назидательным опытом воина-грешника, который наказан за свое высокомерное поведение, но в конце спасен божественной милостью, в результате покаяния и/или молитвами других».⁷

Третий методический прием, используемый Р. Пиккио при построении гипотезы, заключается в подыскивании к «повести о походе Игоря» в «Слове» библейских цитат. По мнению Р. Пиккио, эти библейские реминисценции должны были вновь и вновь по ходу изложения «подтверждать необходимость прочте-

---

го еси исполнена земля русская...»: Личности и ментальность русского средневековья: Очерки. М., 2001. С. 24—33.

⁴ В ранее написанной статье Р. Пиккио специально рассматривал вопрос о сосуществовании в пределах одного текста рассказа-повести и проповеди-слова как характерной черте семантико-композиционной структуры не только «Слова о полку Игореве», но и некоторых других литературных произведений Древней Руси. В этой статье ученый иначе определял взаимоотношение слова и повести. Он указывал на вспомогательную функцию, отведенную повести в более высокой структуре слова: повесть разворачивается на историко-литературном уровне, в то время как духовный уровень переносного значения проявляется в господствующем замысле слова-проповеди. См.: P i c c i o R. «Povest» e «slovo»: Osservazioni sul rapporto fra narrativa e omiletica nella tradizione scrittoria dell' antica Rus' // Europa Orientalis. [Roma], 1990. Vol. 9. P. 26—36. В русском переводе см.: П и к к и о Р. Повесть и Слово: Заметки о соотношении повествования и проповеди в книжной традиции Древней Руси // П и к к и о Р. Slavia orthodoxa. Литература и язык. М., 2003. С. 492—503.

⁵ П и к к и о Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси. С. 443. Отмечу, что имена языческих богов встречаются и непосредственно в «повести».

⁶ Там же. С. 437. Здесь и далее курсив в цитатах мой.

⁷ Там же. С. 436—437.

ния текста в дидактическо-религиозном ключе». Надо сказать, что все приведенные библейские параллели к тексту «повести о походе Игоря» в «Слове» представляются мне неубедительными. Да и сам Р. Пиккио, приводя библейскую параллель, вынужден каждый раз оговаривать степень ее точности и даже ее достоверность: «Не имеет смысла спорить о том, в какой мере точна эта цитата или отсылка к библейскому тексту. <...> Во всяком случае не приходится сомневаться в том, что текстуальным источником данного фрагмента является Второзаконие, хотя формула эта не уникальна. Например, она весьма близка к формуле книги Даниила, клеймящей гордость Навуходоносора». Или: «Как я уже говорил, не столь существенно, с какой степенью точности передается библейский текст. Гораздо интереснее понять, какова контекстуальная функция библейских цитат или отсылок к Писанию...».⁸ Или: «В данном случае также не место обсуждать границы и степень текстуальной зависимости. Что здесь существенно, это устойчивость тематического и риторико-изобразительного мотива, восходящего к Библии».⁹ Однако прежде чем говорить об *устойчивости* библейских реминисценций в «Слове», надо в каждом конкретном случае именно *обсуждать* границы и степень текстуальной зависимости «исторических повестей» от библейского текста. Ведь должен же быть хоть какой-то «коэффициент узнавания» библейских цитат! Между тем, основываясь на приведенных к «Слову» текстуальных параллелях из Библии, Р. Пиккио делает концептуальный вывод: «Слово» — «относительно не менее „религиозно“, чем два летописных повествования. Напротив, оно отличается от них большей укорененностью в христианском законе, содержа прямые отсылки к Св. Писанию».¹⁰

Итак, методика Р. Пиккио заключается в следующем: из «Слова о полку Игореве» искусственно вычленяется история Игоревы похода и объявляется третьим нарративным вариантом повести о походе Игоря. Далее Р. Пиккио объединяет сведения всех трех «нарративных вариантов», прочитывает их как единый текст. Даже в тех случаях, когда Р. Пиккио вынужден констатировать различие в изложении событий, он считает, что эти различия можно игнорировать на том основании, что «как общий план повествования, так и символическо-экзегетический ореол, его окружающий, подтверждают впечатление существенного сходства, благодаря чему *остается возможность читать три повести вместе, сводя воедино сведения отдельных текстов*».¹¹ В результате этого объединения вся христианская дидактика, имеющаяся в летописных повестях о походе Игоря, оказывается относящейся и к «Слову о полку Игореве».

Мне представляется недопустимой контаминация сведений из различных произведений тематического цикла, называемая Р. Пиккио методом «интертекстуального исследования». При таком подходе сознательно игнорируется различие, а нередко и противостояние конкретных текстов,¹² они теряют своеобразие, самоценность и превращаются лишь в материал для построения исследова-

⁸ Там же. С. 434.

⁹ Там же. С. 438.

¹⁰ Там же. С. 439.

¹¹ Там же.

¹² Объединяя сведения трех «нарративных вариантов», мы можем, по мнению Р. Пиккио, «увидеть ситуацию во всех ее подробностях». Так, ситуация выступления Игоря в поход в результате объединения сведений всех трех произведений цикла выглядит у Р. Пиккио следующим образом: а) Игорь и его люди в момент, когда они отправляются в набег, видят затмение солнца; б) у них нет сомнения, что им явлен знак Божий, но, в) несмотря на это, Игорь хочет выступить, ибо, как объясняет «тематический ключ» «Слова», его «умь» и его «сердце» затмил воинственный пыл, а также и потому, что, по сообщению Лаврентьевской летописи, вместе с ним и его товарищи по авантюре охвачены желанием воинской славы — «таки же собь хвалы добудемь» (Там же. С. 437). В данном случае некорректность объединения сведений трех произведений особенно наглядна, так как они дают различные, противоречащие друг другу трактовки причины похода.

телем своей гипотезы. В противовес методу «интертекстуального исследования» в том смысле, какой вкладывает в него Р. Пиккио,¹³ мы ратуем за такое комплексное изучение произведений тематического цикла, при котором анализируется как сходство, так и различие произведений, учитываются их идеологическое, мировоззренческое и литературное своеобразие. В анализе трех произведений о походе Игоря Святославича на половцев именно таким комплексным методом сделаны, на мой взгляд, явные успехи.

* * *

Прежде всего проведем сопоставительный анализ двух летописных рассказов о походе 1185 г. и «Слова о полку Игореве» с точки зрения политической оценки похода. Давно была замечена различная оценка событий 1185 г. в двух летописных текстах, восходящих, вероятно, независимо друг от друга к рассказу переяславской летописи Владимира Глебовича (1187 г.). Лаврентьевская летопись сохранила враждебный Ольговичам рассказ владими́ро-суздальского летописца. Этот рассказ стремится принизить, скомпрометировать Ольговичей во главе со Святославом, обвинить участников похода в жажде славы и авантюризме. Напротив, киевский летописец, рассказ которого о походе сохранила Ипатьевская летопись, изображает Ольговичей не без некоторой идеализации.

Внимательное сопоставление обоих текстов позволило Н. С. Демковой сделать более точное и очень важное наблюдение. Оказывается, что рассказ Киевской летописи не просто отражает другую точку зрения на Ольговичей и их поход: «он как будто бы последовательно отвечает на все упреки владими́ро-суздальского рассказа» в адрес Ольговичей. По словам исследовательницы, «обстоятельным, информированным повествованием, ведущимся бесстрастным тоном, киевский летописец снимает почти все обвинения с князя Игоря, кроме одного — обвинения в неудержимом юношеском задоре. Если владими́рский летописец подчеркивал легкомысленность и беззаботность Ольговичей в организации похода, то киевский летописец подробно и обстоятельно описывал княжеские сборы, выступление, „тихое“ движение по Черниговщине Игорева войска, собирающего все новые силы, настойчивое желание Игоря не оставаться на ночь в степи. Если владими́рский летописец писал о непродолжительности плена Игоря («по малех днех»), что, по-видимому, соответствовало исторической действительности, то киевский отмечал, что Игорь собирался долго быть в плену (к нему приехали священник и слуги). Если владими́рский летописец напоминал о гибели политического и военного соперника Игоря — Владимира Глебовича, князя переяславского, то киевский вкладывал в уста Игоря длинную покаянную речь — раскаяние в разорении им города Глебова у Переяславля».¹⁴

Это наблюдение Н. С. Демковой о взаимоотношении двух летописных рассказов можно развить на примере изображения в них Святослава Всеволодовича. В Лаврентьевской летописи подчеркивается нерешительность Святослава во время похода 1184 г. Летописец отмечает, что русские под руководством Святослава не смели заходить в землю Половецкую и бились с половцами, «зря на Переяславль». Далее, при описании половецкого нашествия на Русь после поражения Игоря Святослав изображен как недальновидный стратег, позволивший половцам обмануть себя, не сумевший защитить южные княжества. Ки-

¹³ Р. Пиккио имеет в виду межтекстуальное исследование нескольких произведений, тогда как чаще термин «интертекстуальное исследование» предполагает внутритекстуальное исследование. О различных теориях интертекста см. в кн.: Ф а т е е в а Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М., 2002.

¹⁴ Д е м к о в а Н. С. Проблемы изучения «Слова о полку Игореве» // Д е м к о в а Н. С. Средневековая русская литература. Поэтика, интерпретации, источники: Сб. статей. СПб., 1997. С. 46—47.

евский летописец совершенно иначе рассказывает о тех же событиях. Проявляя хорошую информированность обо всей большой военно-политической деятельности Святослава, он последовательно опровергает все обвинения владимирского летописца в адрес Святослава Всеволодовича Киевского. Таким образом, есть все основания говорить «о несомненной политической конфронтации двух летописных текстов, созданных примерно в одно и то же время».¹⁵

Исследователи обратили внимание на то, что противостояние двух летописных сводов захватывает более широкий контекст летописного повествования. В Лаврентьевской летописи рассказ о походе Игоря является, по мнению Б. И. Яценко, «составной частью обширного массива южнорусских сведений, в котором резко противопоставлены рассказ 1185 г. (в Ипатьевской летописи — 1184 г.) о военной доблести Владимира Переяславского в объединенном летнем походе русских князей <...> и рассказ 1186 г. (в Ипатьевской летописи — 1185 г.) о сепаратном походе Игоря Северского, о его поражении и плене».¹⁶ Исследователь замечает, что «оба рассказа — о Владимире и об Игоре — объединены одной идеей и написаны по одному замыслу», они отражают соперничество и ссору переяславского и новгород-северского князей, явно выступая на стороне Владимира Глебовича.¹⁷

Повесть о походе Игоря в Ипатьевской летописи также не является самостоятельным произведением, представляя собой часть статьи 1185 г., целиком посвященной военным столкновениям русских и половцев. Статья эта начинается рассказом об удачных боевых действиях князей против половецкого поля. Однако при этом подчеркнута роль не Владимира Переяславского, как в рассказе Лаврентьевской летописи, а Святослава Всеволодовича Киевского. Таким образом, летописные повествования двух сводов о военных походах на половцев в 1184 и 1185 гг. отражают противостояние не двух князей (переяславского и новгород-северского), а *двух княжеских ветвей*, Мономахичей и Ольговичей, спор киевского летописца с переяславским (или владимирским).

Какая же из этих политических позиций отражена в «Слове о полку Игореве»? Еще П. Е. Ваденюк в 1874 г. отметил, что содержание, склад и расположение частей рассказа, отдельные выражения повести в Ипатьевской летописи «совершенно тождественны с подобными „Слова о полку Игореве“».¹⁸ Вскоре, в 1878 г., И. П. Хрущев установил некоторые совпадения между рассказом Лаврентьевской летописи и «Словом о полку Игореве». Его наблюдения продолжил Б. И. Яценко. Случаи сходства рассказа Лаврентьевской летописи и «Слова о полку Игореве» сводятся к отдельным деталям: это упоминание зноя, безводья и туги, упоминание цели похода северян — Дон и Тмуторокань, сообщение о сборах половцев против полков Игоря, о стрелах во время сражения, об обра-

¹⁵ Там же. С. 47. На этом основании можно уверенно говорить о том, что повесть о походе Игоря на половцев в Киевском летописном своде 1198 г. принадлежит одному лицу. Возражения Б. А. Рыбакову и В. Ю. Франчук, предполагавшим составной характер повести, см., в частности: Толочко П. Повесть о походе Игоря Святославича в Ипатьевской летописи // *Ruthenica*. Київ, 2004. Т. 3. С. 124—134.

¹⁶ Яценко Б. И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году // РЛ. 1985. № 3. С. 33—34.

¹⁷ Там же. С. 34—36. Б. И. Яценко считает, что первоначально переяславское повествование о походах 1185 и 1186 гг. было единым, и только владимирский летописец разделил его по разным погодным статьям, перебил сообщением о солнечном затмении и о рождении Константина Всеволодовича, начав с них статью 1186 г. Однако вызывает сомнение, что первоначально события разных лет были изложены под одним годом. Общая интерпретация событий вполне может охватывать не только две погодные статьи, но и более пространный текст.

¹⁸ Ваденюк П. Е. Где нужно искать ту реку, на берегах которой 5-го мая 1185 г. был разбит Игорь Святославич Новгород-Северский и которая названа Каялой // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в авг. 1874 года. Киев, 1878. Т. 2. С. 52.

щении Святослава ко *всем* князьям, о тяжелом положении русских пленников, о погоне за Игорем во время его бегства.

Автор «Слова о полку Игореве» был, по всей вероятности, знаком с обоими летописными рассказами о походе Игоря.¹⁹ И указал на это во вступительной части своего произведения. Он собирается петь не по замыслению Бояна, а по былинам (т. е. достоверным рассказам) своего времени, под которыми, на мой взгляд, он имеет в виду именно два летописных рассказа о походе Игоря на половцев.²⁰ Политическая позиция автора «Слова», без сомнения, близка позиции киевского летописца, он сторонник Ольговичей. При этом если киевский летописец занимает оборонительную позицию — он оправдывает Ольговичей, отвергая обвинения владимирского летописца, то автор «Слова о полку Игореве» перешел в наступление: в «золотом слове» Святослава звучит обвинение в адрес князей «Владиминова племени», которые, по его мнению, занятые своими делами, не спешат постеречь «золотой» киевский стол.²¹ Но если рассказ владимирского летописца прямолинеен в своем осмеянии Ольговичей, это открытый выпад, инвектива, то автор «Слова» использует более тонкий и обидный прием осуждения — иронию: ироническая похвала звучит князьям «Владиминова племени» в «золотом слове» Святослава. И эта ироническая *похвала* воспринимается как ответ на *хулу* в адрес Ольговичей владимирского летописца.

Итак, обе летописные повести о походе Игоря, а также «Слово о полку Игореве» тенденциозны. Напомню в связи с этим слова Д. С. Лихачева из его статьи «К вопросу о „Слове о полку Игореве“ как историческом источнике»: «Всегда и в любом источнике сказывается в какой-то степени его историческая ограниченность, односторонность или даже то или иное искажение исторической действительности. Не дает достоверных сведений, разумеется, ни один повествовательный источник. Как установлено исследованиями А. А. Шахматова (это, впрочем, ясно было историкам и до него), летопись не является объективным собранием сведений по русской истории. В той или иной степени она тенденциозна (хотя бы тем, что тенденциозно подбирает факты)».²²

* * *

Рассмотрим теперь вопрос о дидактической интерпретации событий 1185 г. в трех произведениях, повествующих о них.

Цель владимирского летописца — напомню — противопоставить Владимира Глебовича Переяславского, представленного главным героем объединенного похода русских князей в 1184 г., и Игоря Святославича, совершившего свой трагический поход годом позднее. Свое повествование об Игоре владимирский летописец облекает в форму религиозно-назидательного рассказа. Согласно его интерпретации, Господь наказал Ольговичей за жажду славы, послужившую причиной похода, за легкомыслие (три дня стояли на вежах, веселясь в половецкой степи), за авантюрные планы и похвальбу (намерение дойти до

¹⁹ Эту мысль высказал еще И. П. Хрущев. См.: Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях. XI—XII ст. Киев, 1878. С. 195—212. О других точках зрения на взаимоотношения двух летописных рассказов о походе Игоря и «Слова» см.: Прохорова Г. М. Летописные повести о походе Игоря Святославича на половцев // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 151—158.

²⁰ См. об этом подробнее: Соколова Л. В. Две первые фразы «Слова о полку Игореве» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 210—215.

²¹ Обоснование этой точки зрения см.: Соколова Л. В. Святослав Всеволодович Киевский и его «злато слово» в «Слове о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 37—44.

²² Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд., доп. Л., 1985. С. 177.

Тмуторокани), но затем «избави из руку поганых». Итак, повествование владимирского летописца дает основание согласиться с предложенной Р. Пиккио дидактической трактовкой описанных событий: воин-грешник «наказан за свое высокомерное поведение, но в конце спасен божественной милостью...». Но, по версии владимирского летописца, Игорь спасен божественной милостью не «в результате покаяния и/или молитвами других» (Р. Пиккио), а потому, что «не оставить бо Господь праведнаго в руку грешничию...».

В повествовании Ипатьевской летописи мы находим уже иное дидактическое осмысление событий 1185 г. Поход Игоря здесь осмыслен как один из походов, предпринятых с целью противостояния половецкой степи. Киевский летописец подчеркивает хорошую подготовку похода. Ночевка в половецкой степи (а не три дня веселия) представлена как вынужденная необходимость. Нельзя упрекнуть Игоря и в пренебрежении предзнаменованием — Игорь во время солнечного затмения рассуждает, по Ипатьевской летописи, как истинный христианин: «знамению творец Бог, а на добро или зло — это мы увидим». После поражения Игорь произносит покаянную речь. В чем же он кается? Вовсе не в гордыне, не в жажде славы или легкомыслии, а в том, что много убийств, кровопролитий учинил он в земле христианской, что, не пощадив христиан, взял приступом город Глебов у Переяславля.²³ Свое поражение Игорь объясняет возмездием за грехи, считает его справедливым, но просит Господа не отвергнуть его до конца, проявить милость. Далее киевский летописец приводит еще две молитвы Игоря. И Господь, как следует из дальнейшего повествования, откликнулся на покаяние и молитвы Игоря и по молитвам христиан помог ему бежать из половецкого плена. Таким образом, рассказ Ипатьевской летописи тоже может рассматриваться как назидательная история о воине-грешнике, наказанном и прощенном Богом. Однако в интерпретации киевского летописца Игорь наказан не за свое высокомерное и легкомысленное поведение во время похода 1185 г. (мнение Р. Пиккио), а за те грехи *против христиан*, русских, которые он совершил и в которых теперь раскаивается. Заканчивается статья 1185 г. в Ипатьевской летописи тем, что Игорь едет в Киев к великому князю Святославу. Вероятно, мы должны осмыслять это как перемену, произошедшую в сознании Игоря, в его политической и нравственной позиции.

Обратимся теперь к «Слову о полку Игореве». Прежде всего проанализируем то чтение, которое, по мнению Р. Пиккио, является «начальной библейской цитатой», «тематическим ключом», выражающим основную мысль произведения, помогающим читателю понимать человеческие дела в свете вечной истины. Как таковую Р. Пиккио рассматривает текст «Слова», входящий в экспозицию повествования: это характеристика Игоря, «иже истягну умь крѣпостию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плѣкы на землю Половѣцькую за землю Руськую». По словам Р. Пиккио, смысл этого сообщения откроется со всей полнотой, во всей своей значительности, если мы сопоставим его с библейским текстом. Во Второзаконии (2: 30) читаем: «Сигон, царь Есевонский, не согласился позволить пройти нам через свою землю, потому что Господь, Бог твой, *ожесточил дух его и сердце его сделал упорным*, чтобы предать его в руку твою». Эта библейская параллель ведет исследователя к сближению Игоря с «Сигоном, царем Есевонским», который в свою очередь принадлежит к определенному типу «безумных героев», символизирующих в Ветхом Завете грех гордыни. Р. Пиккио полагает, что Игорь Святославич представлен в «тематическом ключе» как человек, не обнаруживающий в осуществляемом им военном предприятии достаточного владения своим умом

²³ Как предполагает Б. И. Яценко, этот набег Игоря на Переяславскую землю имел место во время начавшегося похода 1185 г. и был ответом на нападение Владимира Глебовича на северские города весной 1184 г. См.: Яценко Б. И. Лаврентьевская повесть о походе Игоря Святославича в 1185 году. С. 35, 37.

и сердцем. Уже это может поместить его среди «безумных героев», которые уступают порыву, впадают в дерзость. Подобно символическому персонажу Второзакония Игорь Святославич обречен судьбой потерпеть поражение и стать пленником из-за своей гордыни и воинственного пыла (в чем читатель, который понимает смысл «тематического ключа», не сомневается с самого начала). Победить можно лишь смирением: «ратный дух», «упорное сердце» и «мужество» являются не добродетелями, но признаками духовной патологии, происходящей от гордости и используемой Господом как наказание.²⁴ Именно поэтому Игорь не понимает смысла знамения: понять его могут лишь чистые духом.²⁵ На основании сказанного Р. Пиккио делает следующее заключение: протагонист «Слова» охарактеризован в «тематическом ключе» как отрицательный герой, и дальнейшие события должны быть изложены в виде назидания. Таким образом нарративная схема «Слова» будет следовать концептуальной схеме дидактического сообщения.²⁶

По моему мнению, смысл приведенного выражения «Слова» противоположен тому, какой вкладывает в него Р. Пиккио. Оно означает, что Игорь подготовил свой ум к походу так, как готовят меч к сражению, — «поострил» его.²⁷ Вслед за Ипатьевской летописью автор «Слова» говорит о тщательной подготовке похода, о продуманном решении выступить в поход. В «Слове о полку Игореве» есть чтение, более близкое приведенному Р. Пиккио библейскому выражению. Святослав в своем «золотом слове» говорит, упрекая Игоря и Всеволода: «Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буети закалена». Однако «храброе сердце», «буеть» также не являются свидетельством «безумия» Игоря и Всеволода, они — показатель рыцарской доблести братьев. Их храбрые сердца скованы из крепкого харалуга (дамасской стали?) и закалены «буетью», т. е. отвагой, удалью. Здесь вновь образ из дружинной поэзии: сравнение воспитания в рыцарском духе с закалкой оружия.²⁸ Метафорические образы воспитания в рыцарском духе отражены и в похвале Всеволода курьянам-кметям. Подход с позиций христианской морали, христианского смирения к произведению, в котором отразилась рыцарская эпоха с ее представлениями о воинской чести и славе, доблести, мужестве, «ратном духе», представляется мне ошибочным. В системе ценностей рыцарского кодекса «ратный дух», доблесть являются именно достоинствами, а не «признаками духовной патологии».

В «Слове о полку Игореве» история Игоря осмысливается в политическом аспекте как *история преобразования*, перехода его из разряда «молодых» «буйных» князей, послушных лишь своим рыцарским устремлениям,²⁹ в разряд князей-го-

²⁴ Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси. С. 434—435.

²⁵ Там же. С. 437.

²⁶ Там же. С. 436.

²⁷ И. Д. Тиунов так поясняет это выражение: «Утолстившееся, притупленное от долгого употребления лезвие стального орудия (топора, косы) кузнец разогревает на огне и отковывает тоньше — вытягивает (совр. технический термин), вытягивает, а затем оттачивает на бруске». См.: Тиунов И. Д. Несколько замечаний к «Слову о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: Сб. исследований и статей. М.; Л., 1950. С. 196. Е. В. Барсов указывает параллель этому выражению в древнерусском переводе «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия: «Подострите души ваша на мсти». См.: Барсов Е. В. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 261.

²⁸ «Существует своеобразный способ закалки оружия: раскаленный выкованный клинок, поставленный вертикально лезвием вперед, вручается всаднику, который гонит коня с возможной быстротой. При этом пламенный харалужный клинок закаляется в воздушной струе, причем лезвие, охлаждаясь больше, было тверже, а обух сохранял большую вязкость, что в целом давало идеальные качества клинка». См.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 236—237.

²⁹ Святослав Киевский в «золотом слове» причиной выступления Игоря и Всеволода в поход называет стремление добыть себе славы («переднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ»). С. Матхаузерова отмечает, что формулы, объясняющие мотивацию брани, в русских и чеш-

сударственников, осознающих важность коалиционной борьбы русских князей против опасного внешнего врага. Но если в Ипатьевской летописи это преобразование Игоря представлено, в христианской трактовке летописца, через покаяние и молитвы, то в «Слове» преобразование Игоря происходит в результате «перерождения». Его плен осмысливается как символическая смерть, возвращение на Русь — как возвращение с «того» света, воскресение. (Символическая смерть и воскресение в новом качестве, преображенным лежит и в основе обряда инициации, и в свадебной символике.)

В дидактической трактовке «Слова о полку Игореве» герой терпит поражение потому, что в рыцарском порыве пренебрег не только нормами феодально-иерархического поведения, но и божественным знамением в виде солнечного затмения. Игорь именно *пренебрег* знамением, *прекрасно понимая* его зловещий смысл: оно сулило либо смерть, либо плен, и Игорь в своей речи выбирает первое: «уж лучше бы убитым быть, нежели пленным быть».³⁰ Однако далее, словно забыв о грозном предзнаменовании, говорит уже о другой альтернативе: он готов вместе с воинами либо главу сложить, либо испить шлемом Дону (погибнуть или победить). Автор «Слова» так объясняет решение Игоря продолжить поход: страстное желание «искусить Дону Великого», сразиться с врагом заслонило ему знамение. Б. Н. Путилов привел к этому мотиву «Слова» параллель из южнославянского героического эпоса: «Косовские герои готовы выполнить свой долг, даже предчувствуя, что их ждет гибель <...> И в песнях, и в „Слове“ знамения, предшествующие битве и сопровождающие ее участников, ложатся трагической тенью на все повествование и вместе с тем с поразительной рельефностью выявляют в персонажах свойственное им героическое начало».³¹ Спасение же Игоря происходит в «Слове» не в результате его покаяния или молитв христиан за него, а в результате языческой молитвы Ярославны, обращенной к силам природы.

Итак, «Слово о полку Игореве» нельзя рассматривать как религиозную назидательную историю о возгордившемся и наказанном за это воине. Его задачи иные, не религиозные, а политические. Главное в «Слове» — не нарративная часть (*повесть*), а ораторская часть (*слово*), не история Игоря, а художественное изображение трагических результатов княжеских междоусобиц и прямые призывы к князьям объединенными усилиями защищать Русскую землю. Отражая позицию Ольговичей в противостоянии двух княжеских ветвей, «Слово» тем не менее вылилось в призыв автора ко всем князьям объединиться перед лицом опасного врага, угрожающего самому существованию Русской земли.

* * *

Какую цель преследует Р. Пиккио при интерпретации «Слова» «не как эпического светского памятника <...>, но как текста, в котором присутствует религиозный лейтмотив»? Он считает, что если его гипотеза будет принята, то «бу-

ских средневековых памятниках сходны: князь и его дружина воюют ради славы и чести, ради «доброего имени». Исследовательница возводит эту и другие «воинские» формулы к самым началам славянского эпоса — устного и впоследствии письменного. См.: М а т х а у з е р о в а С. Система образов в «Слове о полку Игореве». Сравнительный анализ // «Слово о полку Игореве»: Комплексные исследования. М., 1988. С. 46—53.

³⁰ Вот почему трудно согласиться с Р. Пиккио в том, что, согласно «Слову», воинственное безумие помешало Игорю понять знамение, что «Игорь проявил собственную иррациональность, не признавая в солнечном затмении божественного знамения» (П и к к и о Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси. С. 437). Речь Игоря, обращенная к дружине, свидетельствует о том, что он воспринял солнечное затмение как знамение и понял его смысл.

³¹ Пу т и л о в Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос: Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971. С. 293, 294.

дет устранено одно из главных доказательств историко-литературной „нелегитимности“ „Слова о полку Игореве“ в недрах древнерусской литературы, именно его нерелигиозный характер.³² Но нуждается ли «Слово» в такого рода защите? Этот вопрос побуждает нас обратиться к проблеме жанра двух летописных рассказов о событиях 1185 г. и «Слова о полку Игореве».

С литературной точки зрения три произведения о походе Игоря также различны. Повествование в Лаврентьевской летописи — это по жанру летописный рассказ о происшедшем, который, по словам И. П. Хрущева, «отличается <...> сухостью, краткостью и ироничным характером», он окрашен «однообразным колоритом предвзятой мысли и официальности».³³ Повествование же о походе Игоря в киевском летописном своде с жанровой точки зрения уже не краткий летописный рассказ, а воинская повесть.³⁴ Повесть эта пространна, она написана с хорошим знанием обстоятельств, деталей событий, сопровождает рассказ числовыми показателями, воспроизводит речи персонажей, как будто ее автор был одним из участников похода или писал со слов участников похода. О том, что перед нами именно художественное произведение, воинская повесть, говорит ее структура, в частности, присутствие в ней вымышленных речей, внутренних монологов, молитв, а также ее психологизм и риторичность.³⁵

«Слово о полку Игореве» Р. Пиккио рассматривает как еще один нарративный вариант *повести* о походе Игоря. Отметив, что во вступлении-декларации замысловатый стиль («замышление») Бояна автором отвергнут, ибо он не подходит для того, кто намерен следовать истинным событиям («по былинам») эпохи Игоря Святославича («сего времени»), Р. Пиккио интерпретирует это как противопоставление автором «Слова» своей *повести* о походе Игоря *песне*, т. е. поэтическому, а не историческому дискурсу Бояна, поскольку пение песни по образцу Бояна характеризует жанр, далекий от исторической действительности. По словам Р. Пиккио, это важнейшее теоретическое положение ускользает от внимания читателя из-за испорченности текста. Р. Пиккио уверен в том, что в авторском тексте читалось вместо «начати же ся тѣй пѣсни» — «начати же сию повесть».

По моему мнению, в предложенной конъектуре нет необходимости. Во вступлении к «Слову» автор действительно говорит о своем решении следовать в трактовке похода 1185 г. принципам летописных повествований о нем, а не принципам Бояновых «замышлений», т. е. объективному, а не субъективному отражению событий. Однако в жанровом отношении автор «Слова» следует именно за Бояном. Он создает свое произведение по образцу дружинной песни, хотя при этом существенно видоизменяет этот жанр, в результате чего дружинная песня перерастает под его пером в публицистическую поэму. В отличие от исторических летописных рассказов, «Слово» является не эпическим, а лиро-эпическим произведением, публицистической поэмой, задача которой была

³² Пиккио Р. «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси. С. 438. Эту мысль, без ссылок на Р. Пиккио, повторяет А. А. Гогешвили. Он пишет: «Похоже, что поборники языческой, чуждой христианству природы поэтики „Слова“ не понимают того простого факта, что отрицание христианской культуры и мировоззрения автора средневекового сочинения противоречит всем базисным представлениям европейской медиевистики и вырывает „Слово“ из культурно-исторического контекста его времени, а тем самым кардинально подрывает их же собственные и всяческие доказательства его подлинности». См.: Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве». С. 193.

³³ Хрущев И. П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях... С. 207—208.

³⁴ По наблюдениям И. П. Еремина, весь повествовательный материал Киевской летописи (дошедший в составе Ипатьевского летописного сборника) относительно четко делится на следующие группы: погодную запись, рассказ и повесть. См.: Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 67—97.

³⁵ См.: Пауткин А. А. Летописная повесть о походе 1185 г. Игоря Святославича на половцев (к проблеме художественности) // Филологические науки. 1985. № 2. С. 26—31.

иной по сравнению с летописными повествованиями. Автор «Слова» не ставит своей целью *рассказать* о походе Игоря, он только в самых общих чертах *напоминает* о нем читателю, используя его как пример того, насколько пагубны княжеские междоусобицы и разобщенность перед лицом внешней опасности. Как в любом лиро-эпическом произведении, повествование в «Слове о полку Игореве» не является хронологически последовательным, для него характерны временные и пространственные деградации, в частности, авторские отступления, повествующие о событиях XI в. Поэтому абсолютно неприемлемыми являются предложенные Б. А. Рыбаковым перестановки с целью создания в начале «Слова» «исторического раздела», повествующего о событиях XI в.³⁶

Основываясь на особенностях жанра дружинной песни, автор «Слова» использует присущую этому жанру поэтическую систему, ориентированную не на христианскую, а на языческую образность. Жанр публицистической поэмы, в котором создано «Слово», предусматривает политическую, а не христианскую дидактику. В связи с этим отсутствие в «Слове о полку Игореве» религиозной поучительности не может служить доказательством его историко-литературной «нелегитимности» «в недрах древнерусской литературы».

* * *

В заключение необходимо отметить следующее. Подвергая сомнению интерпретацию «Слова о полку Игореве» как христианской назидательной истории о войне-грешнике, я тем самым не отрицаю христианское мировоззрение автора «Слова о полку Игореве». Неопровержимым свидетельством этого служит такая немаловажная «частность», как прямой призыв автора «Слова» к борьбе за христиан против «поганных», т. е. язычников.

Особый и сложный вопрос – о возможном присутствии в «Слове» библейских элементов.³⁷ В исследованиях на эту тему не всегда четко разграничиваются различные явления: 1) лексические и фразеологические параллели; 2) цитаты из Библии; 3) библейские образы и мотивы. Наиболее полный и достоверный список лексических и фразеологических параллелей из Библии к «Слову» привел В. Н. Перетц.³⁸ В. П. Адрианова-Перетц отметила, что библейская стилистика проникала в светскую древнерусскую литературу не только из библейских книг и собранных в Паремийник отрывков из них, но и через посредство многочисленных отражений ее в византийском и южнославянском учительном и торжественном ораторстве, в гимнографии, а также в переводных произведениях: Хронике Георгия Амартола, сочинениях отцов церкви, Шестоднев, Физиологе, Пчеле.³⁹ Учитывая это, следует, на мой взгляд, согласиться с В. В. Колесовым: «Все эти сопоставления не доказывают заимствования образов или выражений из славянского перевода книг Священного Писания, а представляют собою

³⁶ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич: Понск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 27—33. Моя точка зрения на структуру «Слова» изложена в статье: Соколова Л. В. Композиция «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 184—210.

³⁷ См.: Колесов В. В. Библизмы в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 1. С. 110—111; Каган М. Д. Библия и «Слово» // Там же. С. 116—118.

³⁸ Перетц В. Н. 1) К изучению «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. Л., 1925. Т. 29 (отд. изд.: Л., 1926); 2) «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги // Сб. статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 10—14 (СОРЯС. Т. 101. № 3); 3) «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг // ИОРЯС. 1930. Л., 1930. Т. 3, кн. 1. С. 289—309.

³⁹ Адрианова-Перетц В. П. Фразеология и лексика «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания «Слова». М.; Л., 1966. С. 19. См. также: Григорьев А. В. Влияние служебных и толковых славянских библейских текстов на формирование русской фразеологической системы // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21). С. 24—25.

обычные фразеологизмы (идиомы), устойчивые сочетания, попавшие в общий оборот древнерусской письменности...».⁴⁰ Чаще всего можно говорить даже не о конкретном фразеологизме, а о разных метафорических выражениях с одним опорным словом; ср., например, метафорические выражения со словом «поострить»: «поострить же гнѣвъ свои въ оружии» (Книга Исайи) — «поостриша язык свой зминь» (Псалтирь) — «подострите души ваша на мьсти» («История Иудейской войны» Иосифа Флавия) — «поостри (ум. — Л. С.) сердца своего мужествомъ» («Слово о полку Игореве»).

Что касается цитат из Библии, т. е. дословных выдержек из библейских книг, то вряд ли можно обнаружить их в «Слове». Когда исследователи, в том числе и Р. Пиккио, говорят о библейских цитатах в «Слове», они на самом деле имеют в виду тот или иной библейский образ или мотив, обнаруживаемый ими в «Слове».⁴¹ При этом указанные аллюзии далеко не всегда убедительны и нуждаются в специальном рассмотрении.⁴² Однако не вызывает, например, сомнения присутствие в «Слове» библейского мотива указания Богом пути из плена-рабства облачным столпом (Исх. 13: 21).⁴³ А. А. Гогешвили при указании этой параллели выражает удивление обращением автора в этом контексте «к грандиозным образам, патетической тематике и стилистике Библии», «несколько неожиданным уровнем символического наполнения сомнительной в плане сохранения княжеского достоинства сцены побега Игоря». Между тем можно предположить, что отсылка к мотивам Исхода здесь вовсе не случайна. Автор «Слова» подчеркивает этой параллелью мессианскую роль Игоря, пережившего катарсис и спасенного Господом, в деле дальнейшей борьбы русских князей против поля половецкого. Как видим, отсылки к библейскому тексту могут создавать сверхсмыслы в «Слове о полку Игореве». Поэтому серьезное исследование библейских и — шире — христианских мотивов и образов в «Слове» можно только приветствовать.

⁴⁰ Колесов В. В. Библензмы в «Слове». С. 111.

⁴¹ Впрочем, Марчелло Гардзанити, предлагая классификацию библейских цитат, относит к ним не только собственно цитаты (называя их «прямые цитаты»), но и все другие возможные отсылки к библейскому тексту, в том числе парафраз или пересказ, аллюзию, ссылку на понятия и реалии (события и лица) и др. См.: Гардзанити М. «Хожение» игумена Даниила в Святую землю. Литература и богословие на Руси XII века // Славяноведение. 1995. № 2. С. 30—31. В несколько измененном виде классификация библейских цитат дается в новой статье М. Гардзанити: Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. Т. 58 (в печати). Термины, использованные в классификации, приводятся нами по последней статье. Отметим, что термин «цитата» употребляется в классификации М. Гардзанити в трех различных по объему значениях.

⁴² Некоторые приведенные параллели из Библии и христианской литературы основаны либо на неверном толковании текста «Слова» (сопоставление Всеслава Полоцкого с антихристом и другие «апокалиптические мотивы»), либо на слишком общих основаниях (мотив блудного сына применительно к Игорю), либо на интересном, но никак не обозначенном в тексте «Слова» сближении (например, образа Игоря с образом Георгия Победоносца).

⁴³ Эта параллель приведена в книге А. А. Гогешвили. См.: Гогешвили А. А. Три источника «Слова о полку Игореве». С. 203. Еще не зная его работы, вышедшей в 1999 г., я привела эту же параллель в своем докладе на заседании Отдела древнерусской литературы ИРЛИ 28 ноября 1999 г., анализируя фрагмент, повествующий о возвращении Игоря из плена. Эта явная параллель делает возможным присутствие в «Слове» и других мотивов Книги Исход, приведенных А. А. Гогешвили: мотива погони за беглецами (Исх. 14), мотива зноя от палящего солнца и жажды в безводной пустыне (израильтяне, предводительствуемые Моисеем, три дня страдали от жажды. — Исх. 15: 22—27), мотива питания беглецов в пути (в «однообразии стола» Игоря можно, по мнению Гогешвили, «различить отзвук еще одного мотива из Книги Исход, а именно аллюзию на питание беглецов из плена египетского одно время исключительно „дичью“ — коростелями или перепелами (исследователь не упоминает о «манне небесной». — Л. С.), присланными к ужину самим Господом Богом». — Исх. 16). Но эти параллели представляются мне гораздо менее очевидными потому, что и погоня за беглецами, и страдание воинов Игоря, отрезанных от воды, от зноя и жажды — это реалии, отраженные в рассказе Лаврентьевской летописи.